

УДК 1(091)(430)(092):930.1

ЛИМОНЧЕНКО Віра – доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії імені професора Валерія Григоровича Скотного, Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, вул. Івана Франка, 24, Дрогобич, 82100, Україна (limonchenko57@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4770-7199>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4727.41.165815>

Бібліографічний опис статті: Лимонченко, В. (2019). Историзм Хайдеггера как основание философской истории философии. *Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Філософія»*, 41, 57–76. doi: 10.24919/2522-4727.41.165815.

ИСТОРИЗМ ХАЙДЕГГЕРА КАК ОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Аннотація. *Цель.* В статье ставится задача эксплицировать акценты в понимании истории как способа организации мысли на материалах статьи Хайдеггера «Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925)». **Методология.** В статье применен метод углубленного рефлексивного чтения, предполагающий работу с понятиями и установление нюансов смысла при использовании различных терминов. Теоретической основой исследования является такое понимание философии, когда она предстает самосознанием мысли, уяснением пути формирования субъективности. При этом наблюдается зависимость видения характера истории философии от понимания задач философии. Рассматриваются две установки – философская история философии и историческая история философии, которые чаще всего видятся самостоятельными дисциплинами, но утверждается, что уже у Гегеля они представлены в единстве. **Научная новизна.** Понимание особенностей историко-философской концепции Гегеля предполагает обращение к аналитике понятия «История», которое у него функционирует в двух формах – «Historie» и «Geschichte». «Historie»

относится к эмпирической истории, нанизывающей один за другим факты, «Geschichte» может быть эксплицировано как сущностно-историческое, обнаруживающее единство с «логическим», соотношенное с ним и пронизанное им. Противопоставление философской истории философии и исторической истории философии при употреблении термина «Geschichte» обретает новый оттенок: акцентируется взаимосвязанная история философии, а не только разрозненные истории философии, т.е. можно говорить о истории философии (проект философский) и историях философии (проект исторический). **Выводы.** Хайдеггер подчеркивает, что история как способ организации мысли адекватна такому пониманию человеческого существования, когда человек ведает как о собственном истоке, так и решительно обращена к грядущему. Такое постижение позволяет человеку преодолевать частичную приватность сиюминутного существования и быть продуктивно обращенным в будущее благодаря открытости действенной силы прошлого.

Ключевые слова: историческая история философии, философская история философии, «Historie», «Geschichte», самосознание.

ІСТОРИЗМ ГАЙДЕГГЕРА ЯК ЗАСАДА ФІЛОСОФСЬКОЇ ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ

Анотація. Мета. У статті ставиться завдання експлікувати акценти в розумінні історії як способу організації думки на матеріалах статті Гайдеггера «Дослідницька робота Вільгельма Дільтея і боротьба за історичний світогляд в наші дні. Десять доповідей, прочитаних в Касселі (1925)». **Методологія.** У статті застосований метод поглибленого рефлексивного читання, що передбачає роботу з поняттями і встановлення нюансів смислу при використанні різних термінів. Теоретичною основою дослідження є таке розуміння філософії, коли вона постає самосвідомістю думки, з'ясуванням шляху формування суб'єктивності. При цьому спостерігається залежність бачення характеру історії філософії від розуміння завдань філософії. Розглядаються дві установки – філософська історія філософії і історична історія філософії, які найчастіше бачаться самостійними дисциплінами, але стверджується, що вже у Гегеля вони представлені в єдності. **Наукова новизна.** Розуміння особливостей історико-філософської концепції Гегеля передбачає зверне-

ння до аналітики поняття «Історія», яке у нього функціонує у двох формах – «Historie» і «Geschichte». «Historie» належить до емпіричної історії, що нанизує один за одним факти, «Geschichte» можна експлікувати як сутнісно-історичне, яке виявляє єдність з «логічним», співвіднесене з ним і пронизане ним. Протиставлення філософської історії філософії та історичної історії філософії при вживанні терміна «Geschichte» набуває нового відтінку: акцентується взаємопов'язана історія філософії, а не тільки розрізнені історії філософії, тобто можна говорити про історію філософії (проект філософський) і історії філософії (проект історичний). **Висновки.** Гайдеггер підкреслює, що історія як спосіб організації думки адекватна такому розумінню людського існування, коли людина знає як про власний початок, так і рішуче звернена до майбутнього. Таке розуміння дає змогу людині долати часткову приватність миттєвого існування і бути продуктивно зверненою у майбутнє завдяки відкритості, дієвій силі минулого.

Ключові слова: історична історія філософії, філософська історія філософії, «Historie», «Geschichte», самосвідомість.

LIMONCHENKO Vira – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy named after Professor Valery Skotnyi, Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, Ivan Franko Str., 24, Drohobych, 82100, Ukraine (limonchenko57@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4770-7199>

DOI: <https://doi.org/10.24919/2522-4727.41.165815>

To cite this article: Limonchenko, V. (2019). Istorizm Khaideggera kak osnovanie filosofskoi istorii filosofii [Heidegger's historism as a basis of philosophical history of philosophy]. *Problemy humanitarnykh nauk: zbirnyk naukovykh prats Drohobyt'skoho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu imeni Ivana Franka. Seriya «Filosofia» – Problems of Humanities. Series of «Philosophy»: a collection of scientific articles of the Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University*, 41, 57–76. doi: 10.24919/2522-4727.41.165815 [in Russian].

HEIDEGGER'S HISTORISM AS A BASIS OF PHILOSOPHICAL HISTORY OF PHILOSOPHY

Summary. Purpose. The article aims to explicate accents in the understanding of history as a way of organizing thoughts on the materials of Heidegger's article «Wilhelm Dilthey's research work

*and the struggle for historical outlook in our days. Ten Reports Read in Kassel» (1925). **Methodology.** The article uses the method of in-depth reflexive reading, involving work with concepts and discovering of nuances of meaning when using different terms. The theoretical basis of the study is such an understanding of philosophy, when it appears to be a self-conscious mind, an understanding of the way in which subjectivity is formed. In this case, there is a dependence of the nature of the history of philosophy on the understanding of the tasks of philosophy. Two attitudes are being considered – the philosophical history of philosophy and the historical history of philosophy, which are most often seen as independent disciplines, but it is stated that already in Hegel they are represented in unity. **Scientific novelty.** Understanding the peculiarities of the historical and philosophical concept of Hegel implies an appeal to the analysis of the concept of «History», which it operates in two forms – «Historie» and «Geschichte». «Historie» refers to an empirical story, stringing one after the other facts, «Geschichte» can be explicated as essential historical, revealing unity with the «logical», correlated with it and permeated by it. The juxtaposition of the philosophical history of philosophy and the historical history of philosophy with the use of the term «Geschichte» takes on a new tinge: the interconnected history of philosophy, and not just the isolated histories of philosophy, is emphasized. You can talk about the history of philosophy (project philosophical) and the history of philosophy (historical project). **Conclusions.** Heidegger stresses that history, as a way of organizing thought, is adequate to such an understanding of human existence, when a person knows both his own source and resolutely turned to the future. Such comprehension allows a person to overcome the partial privacy of a momentary existence and be productively turned into the future thanks to the openness of the effective power of the past.*

Key words: *historical history of philosophy, philosophical history of philosophy, «Historie», «Geschichte», self-consciousness.*

Постановка проблеми. Внимание к осмыслению значения и роли истории философии для дисциплины философского мышления со времени становления истории философии как особой философской дисциплины не ослабляется. Обращение к идеям предшественников есть уже у Аристотеля, но в качестве выделенной составной части об истории философии принято говорить с XVIII в., что связано с текстами Хойманна и Брукера (Секундант, 2018, с. 65; Catana, 2015, pp. 129–130). Формулировки

«философская история философии» у них нет, но история философии включена в характерное для философии познание истины и у Хойманна, и у Брукера (Секундант, 2018, с. 66), т. е. акцентуирован философский, что позволяет Л. Катане (Catana, 2015) утверждать, что у Брукера история философии выглядит как философская дисциплина, но не как историческая (р. 131). О Хойманне он говорит как о представителе биографического метода, восходящего к Диогену Лаэртскому (р. 129), хотя далее отмечает характерную для него культуру мысли, ориентированную на систему (р. 130), т. е. для его истории философии задачей предстает реконструкция *системы* философа прошлого (р. 130).

Уже на самом раннем этапе оформляется установка, которую Р. Рорти (Rorty, 1984, pp. 49–50) называет реконструкцией (в отличие от истории духа и интеллектуальной истории), различая рациональную реконструкцию, подчиненную современному видению проблем и вопросов при опоре на исторический процесс, кумулятивно присутствующий в настоящем, и историческую – ориентированную на аутентичное прочтение на языке понятий рассматриваемой концепции и в отнесенности ее к нему же поставленным вопросам и к своему времени. На первый взгляд, история философии Хойманна и Брукера более соответствует исторической реконструкции, однако установка на систему соответствует пониманию философии их времени, вследствие чего Катана отмечает уход от их понимания истории философии в дальнейшем – во французском позитивизме с его установкой на форму науки и в истории идей Лавджоя (Catana, 2015, pp. 131–132). Следует отметить зависимость видения характера истории философии от понимания задач философии. При этом наблюдается характерная для нашего времени миграция от философски ориентированного познавательного проекта в сторону истории, на что и ориентирует междисциплинарный проект интеллектуальной истории, в самом именовании дисциплины установка на философию исчезает. Что происходит при этом и что следует из этого?

Осмысление этой ситуации видится плодотворным при обращении к философии М. Хайдеггера с его обостренным вниманием к истории и историчности человека. Распространен взгляд, что историко-философские изыскания М. Хайдеггера не отве-

чают норму исторического исследования, поскольку мыслителей прошлого он прочитывает в свете задач своего исследования и осмысление истории предстает как осмысление истории бытия (Gillespie, 2015), что предопределяет его внимание к субъективности и истории европейской метафизики (pp. 123–176), при этом Гиллеспи обращается только к знаменитой работе «Бытие и время», оставляя без внимания статьи и подготовительные материалы. Начало XXI в. отмечено усиленным подозрением и критичностью по отношению к «некоронованному королю философии» и уличением его в своенравном истолковании мысли своих предшественников, к чему может толкать употребление ним термина «деструкция». Но именно у него развернуто рефлексивное понимание истории, и применено в отношении к истории философии. В статье, посвященной гегелевской историко-философской концепции, вопрос поставлен им с завидной прямоотой и простотой: почему история философии как история должна быть в своей основной черте философской? Что значит здесь «философский»? Что значит здесь «история»? (Хайдеггер, 1993, с. 382).

Цель исследования. Для уяснения специфики историзма как способа мышления продуктивно обращение к работе «Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925)». В статье ставится задача эксплицировать акценты в понимании истории как способа организации мысли в этой статье.

Анализ последних исследований и публикаций. Работы, касающиеся указанной проблематики, могут быть сгруппированы в два блока. Во-первых, это те, в которых анализируется характер и значение философских идей Хайдеггера. Уже шла речь о подозрительном отношении к его мысли – из украинских авторов можно назвать Баумейстера (Baumejster, 2016), и это иницировано не столько мыслью, сколько самой личностью мыслителя и событиями его жизни, что и предопределило доминанту сегодняшнего обращения к недавно вышедшим дневникам, но такой интерес не значим для заявленной темы. В материалах конференции «Хайдеггер в XXI веке» (Georgakis & Ennis, 2015) отношение к мысли Хайдеггера не сужено до его связей с нацизмом, хотя один из редакторов (Nadjioannou, 2017) публикует

статью, тема которой, переключается с названием сборника, но вопрос ставит однозначно – была ли философия Хайдеггера антисемитской по своей сути и должны ли мы читать его в XXI (р. 350). В конце своей статьи он обращается к позиции Б. Бабиш (Babich, 2015), мягко оппонируя (pp. 358–359) ее критике поисков скандально-злободневных материалов («нового Хайдеггера») в то время как уже изданного Хайдеггера нам читать скучно (Babich, 2015, р. 176). Без обращения к осмыслению вопросов, поднятых Хайдеггером, невозможно мыслить на надлежащем уровне, в данном случае продуктивно обращение к уже упомянутой статье, практически не задействованной аналитически, хотя обзорно-информативно о ней идет речь в предисловии к изданию ранних работ Хайдеггера (Kisiel & Sheehan, 2010).

Второй блок работ касается осмысления задач и методологии истории философии, при этом сначала следует отметить те работы, в которых встречается формулировка «философская история философии». Достаточно обоснованной видится позиция Ю. Перова (2004), что задача создания философской истории философии наиболее явственно поставлена Гегелем, для которого история философии перестает быть внешней пропедевтикой к изучению философии и становится необходимой частью структуры философского (не исторического) знания (с. 188). В этом же контексте происходит обращение к Хайдеггеру, при этом отмечается, что хотя способы его обращения к истории философии часто критикуются, неприятие им школьного деления на систематическую и историческую философию содержит эвристический потенциал для дальнейшего уяснения сути истории философии. Речь следует вести не о ликвидации одной из сторон и подчинении ее другой (как это чаще всего происходит), но о возможностях такого мышления, в котором теоретическая философская мысль развивается под непосредственным действием проблем истории философии, на что обращает внимание Гадамер, говоря о философии как истории понятий. Именно тщательная проработка понятия истории в Кассельских докладах открывает новые горизонты для историко-философского исследования.

Говорит о философской истории философии и Л. Катана (Catana, 2016), высказывая сомнения в оправданности такого проекта. Он анализирует работы М. Фреде, который сожалеет об

утрате историками философии XX в. установки на проблемно-ориентированный образ истории философии, в этом Катана видит проявление антиисторизма, когда исторически ориентированная философия рассматривается как выражение неустойчивого и изменчивого историзма (pp. 174–175) и отдает предпочтение истории идей, исходя из анализа фактического исторического материала (pp. 176–177).

В контексте нашей темы важно обращение к Гегелю, чью историко-философскую концепцию порой считают провальной, но тем не менее при рассмотрении истории философии как органа мысли без него не обойтись. С. Секундант при рассмотрении историко-философского проекта В. Виндельбанда (Секундант, 2018) уделяет значительное внимание Гегелю, констатируя, что «Гегель заложил основы принципиально нового стиля философствования, в котором истории философии отводится более важная роль, чем просто быть введением в философию» (с. 79). При этом подчеркивается, что у Гегеля история философии становится процессом самопонимания мыслью самой себя (с. 76), более того, поскольку человеку присуща «самосознающая разумность, история философии у него предстает как история развития человеческого самосознания (с. 77), что кардинально меняет суть стоящей перед философией (а значит и перед философской историей философии) задачи – устранение частичной приватности мнений и выявление логики раскрытия идеи в ее конкретности. Именно такая постановка задачи прослеживается и у Хайдеггера. Следует отметить, что в англоязычной литературе, посвященной этой проблеме практически не упоминаются французские авторы, но для рассмотрения истории философии в свете работы с собственной субъективностью необходимо обращение к П. Рикеру (2002).

Изложение основного материала. Итак, именно Гегель создает наиболее известную историко-философскую концепцию своего времени, значимость которой несомненна – свидетельством этого предстают как позитивно-принимающие ее, так и негативно-отбрасывающие отклики и оценки. Если говорить о Гегеле (тем более о его историко-философской концепции) из ситуации Украины начала XXI в., то по отношению к нему доминирует критическая отстраненность, т. е. неадекватность геге-

левской историко-философской концепции видится очевидной. Активное желание уйти от нее начинается в 90-е гг. и как доминирующее длится до сих пор. Даже в основательно-серьезных авторитетных работах нет осмысляющей экспликации ее содержания и принципов, а лишь отмечается, что в европейской традиции недостаточность гегелевской схемы истории философии давно осознана, поскольку таковая не может вести к воссозданию объективного бытия философии в истории (Горьский, 2004, с. 5).

Особенная значимость работ Гегеля в том, что это было завершением целой серии историко-философских работ и это было отмечено М. Хайдеггером, которого с трудом можно считать апологетом-гегельянцем:

Гегель впервые мыслит философию греков как целое, а это целое – философски. Почему такое возможно? Потому что Гегель определяет саму по себе историю таким образом, что в своей основной черте она должна оказаться философской. История философии есть для Гегеля единый и потому необходимый процесс восхождения духа к самому себе. История философии вовсе не голая череда разнообразных мнений и учений, бессвязно сменяющих друг друга. (Хайдеггер, 1993, с. 381–382)

Гегелем предложен вариант философской истории философии, в которой осмысление соотношения «философия – история» в аспекте различных познавательных установок уже присутствует. М. Хайдеггер прямо говорит об этом. Хотя перед тем, как обратиться к рассмотрению подобного различения через размышления М. Хайдеггера, обратим внимание на содержательно-терминологические особенности гегелевской концепции, поскольку и у Хайдеггера работают эти термины, отсутствующие в других языках. Известны они достаточно хорошо, но по отношению к истории философии не применяются.

Речь идет о том, что в немецком языке наличны два термина «Historie» и «Geschichte»: если Г. Хорн в середине XVII в. употребляет термин «Historie» («Historiae philosophicae libri septem»), то в дальнейшем у всех выше названных историков фило-

софії речь йде о «Geschichte», Гегель також уходить от латинського терміна: «Філософія історії» («Philosophie der Geschichte»), «Лекції по історії філософії» («Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie»). Через розглядання цих двох термінів стають очевидними особливості гегелівського підходу к історії вообщє. В «Європейському словарі філософій» приведені смислові нюанси терміна «історія», наявні в производному от греческого «ἱστορία» словє «Historie» и в немецком термине «Geschichte», при этом отмечено, что эта перспектива различения происходит и в языках, которые остались в русле парадигмы терміна historia (*Європейський словник*, 2011, с. 278). Первый смысловой блок связан с употреблением глагольной формы «ἱστορεῖν» и указывает на знание, которое должно быть получено при исследовании, подобном судебному расследованию, собиранию сведений (с. 279), при этом отмечается, что ἱστορεῖν приводит к ограниченному видению, которое никогда не будет полным (с. 281).

За различием двух терминов скрывается более основательное содержание, связанное со становлением историзма как способа мышления. Если «Historie» относится к эмпирической истории, нанизывающей один за другим факты (с. 287), что соответствует у Гегеля «historische», т. е. «только историческое», «лишь историческое» – внешний и поверхностный слой исторической реальности, лишенный разумного и истинного. «Geschichte» может быть эксплицировано как сущностно-историческое, обнаруживающее единство с «логическим», соотношенное с ним и пронизанное им (Перов, 1993, с. 22). Р. Козеллек обращает внимание, что «Geschichte» понимается как взаимосвязанная совокупность деяний (Козеллек, 2005, с. 55). Противопоставление философской истории философии и исторической истории философии при употреблении термина «Geschichte» обретает новый оттенок: акцентируется взаимосвязанная история философии, а не только разрозненные истории философии, т. е. для большей выразительности можно говорить о истории философии (проект философский) и историях философий (проект исторический).

Целостное единство истории, схваченное термином «Geschichte», сохраняет свою конструктивную роль у многих критиков гегелевской концепции (Ф. Brentano, Э. Husserl, М. Heidegger).

ггер, П. Рикер, Э. Брейе и др.), однако это единство множественно – и как множество саморефлексий разума, и как множественность в самом самосознании, что соответствует идеям диалогистов (упомяну концепцию соборной природы сознания С.Н. Трубецкого и полифоническую концепцию сознания М.М. Бахтина). И Ф. Brentano, и Э. Гуссерль находятся вне руслу гегелевской философии, тем не менее при рассмотрении истории философии они дистанцируются от эмпирически ориентированных подходов и развивают «универсальную модель историко-философского исследования, которая должна была обеспечить целостное постижение истории философии» (Громов, 2007, с. 96). И связано это в первую очередь с рефлексивным характером философского знания, и история философии, имея дело с философией, сохраняет эту рефлексивность. Следует заметить, что превращение истории философии в историю идей утрачивает эту установку на рефлексивность, исчезает измерение самопонимания.

Значительное внимание этому уделяет П. Рикер, отмечая, что философ завершает в себе работу историка, т. е. делает возможным совпадение собственного «осознания» с «осознанием» истории (Рикер, 2002, с. 48), и это характерно для таких концепций, которые заняты поиском подлинной субъективности, подлинной деятельности осознания (Сократ, Декарт, Кант, Гуссерль):

Что мы должны без конца открывать и открывать, так это то, что путь, ведущий от «я» к «Я» – и именно это мы будем называть осознанием, – проходит через определенное размышление об истории, а также то, что этот обходной маневр рефлексии через историю есть способ, какой использует философия, чтобы работа историка получила свое завершение в сознании читателя. (Рикер, 2002, с. 48–49)

Позиция П. Рикера интересна именно тем, что в ней история в познавательном проекте истории философии не выведена за самоё философии, а сохраняется в ней как полюс – это впервые сделал Г. Гегель, с которым П. Рикер мягко полемизирует, не споря напрямую, а намереваясь предложить несколько иной подход (Рикер, 2002, с. 52). Он говорит о возможности двух пу-

тей: первый очерчивается «логикой философии», выявляющей связный смысл в истории, реализующий преемственную непрерывность, второй – это путь «диалога», обретающего всякий раз характер исключительный и специфический, учитывающий и сохраняющий прерывность. Оба принадлежат истории философии и оба реализуют выход за пределы частной субъективности. Первый в поисках «я» ясности относительно самого себя («короткий» путь самосознания) выходит в историю («длинный» путь истории сознания) и в этом совпадении логического и исторического происходит выход за пределы частной субъективности (частичности), чтобы «почувствовать себя – в себе самом и вне самого себя – человеком, Menschsein» (с. 49). Второй назван П. Рикером «сферой интерсубъективности», в чем также присутствует интенция на преодоление узкой самостной субъективности, но происходит это не через выявление длящегося смысла (логики истории), а через обращение к личностям и их произведениям, которые представляют собой прерывность, кристаллизацию смысла: «история, вместо того чтобы следовать путем поступательного развития, будет завязываться в узлы, образуя личности и произведения» (с. 53). История философии удерживает как от узости субъективности, так и от ложно понятой объективности: «философский акт ведет, *in extremis*, к различению между истинной и ложной объективностью, или, точнее, <...> между объективностью и пренебрегающим человеком объективизмом» (с. 57). Эта нюансированное нахождение и не в субъективном пространстве самости, и не среди объектов мира, пусть это и специфические объекты-идеи, было основной заботой Хайдеггера.

«Кассельские доклады» стали доступны широким кругам достаточно поздно: лекции были прочитаны в 1925 г. – первое печатное упоминание относится к 1986–1987 гг., первая публикация самих лекций датируется 1993 годом, уже после смерти В. Брёкера, стенографические записи которого стали основанием печатной версии. Однако говорить о неизвестности высказанных идей нельзя – они представляют собой исследовательские материалы к «Бытию и времени», посвященные поискам первореальности, исходя из которой человеческая жизнь обретает смысл. Он рассматривает тот вариант ответа, который содержится в историческом мировоззрении, так что с самого начала опирается

на такое понимание истории, в котором акцентуирована идея истории как человеческого существования, основополагающее определение такового – время (Хайдеггер, 1995, с. 120–121). При этом для рассматриваемой проблемы значимо утверждение об истории как таком сознании, в котором человеческое существование усматривает свою действительность внутри такой взаимосвязи, которая ведает как о собственном истоке, так и решительно обращена к грядущему (с. 120). Такое постижение позволяет человеку выйти из связанности к свободе: «Человек как историческое существо не может быть понят через включение свое во всеобщую взаимосвязь мира как природы» (с. 123), человеческая жизнь исторична, т. е. определена приобретенной взаимосвязью (с. 126). Исторично то видение, которое испытывает на себе живую действительную силу духовного прошлого (с. 122) – так говорит М. Хайдеггер о В. Дильтее, помещая познавательный проект истории в такую перспективу видения, в которой реализуется установка быть открытым ко всему, что субстанциально в себе, и закрываться для такого мышления, которое кружит вокруг себя, не достигая самих вещей (с. 122–123). Именно историзм мышления обеспечивает такое постижение актуального самого само (человеческой самости, современной действительности, философской концепции прошлого или настоящего и т. д.), которое происходит благодаря открытости «живой действенной силе духовного прошлого», а не застревает на острие своей субъективности. Свет естественного разума начинается с определения человека как Я, но для М. Хайдеггера такое понимание не критично (с. 130), можно говорить несколько иначе – такое понимание вторично, оно производно от первичной раскрытости в окружающее, застревание на чем имеет своим следствием неподлинное существование:

По большей части и ближайшим образом мы – это не мы сами. Скорее, мы живем внутри того, что говорится, о чем судят да рядят, из того, как вообще смотрят на вещи, чего требуют. Вот такая неопределенность и правит существованием здесь. Она ближайшим образом и по большей части по-настоящему и владеет существованием здесь, даже и наука живет внутри то-

го же самого. Все то же сказывается и в традиции – как спрашивают, как приступают к исследованию. Эта всеоткрытость, правящая существованием людей друг с другом здесь, со всей отчетливостью показывает нам, что мы – это по большей части не мы сами, но другие, – нас живут другие. (Хайдеггер, 1995, с. 131)

Здесь и возникает задача, которую эксплицирует П. Рикер – путь от я к Я, т. е. осознание себя, ясность относительно самого себя, которая никогда не возможна как абсолютное свершение (совпадение конечного и бесконечного мышления, возможное у Гегеля), но без чего нет человека: доминанта на внерациональные факторы (несознательное – под- или над-сознательное, которое может быть биологическим, индивидуальным, коллективным, мифологическим, утилитарным, социально-экономическим) и создает ситуацию «смерти человека». Вменяемость (короткий путь самосознания) и есть возвращение к себе через длинный (т. е. дискурсивно-развернутый) путь истории. Вменяемость производится как переход от множественности безотносительных ко мне историй («Historie») к такой истории («Geschichte»), которая «означает такое свершение, какое есть мы сами, такое, где мы сами тут же» (Хайдеггер, 1995, с. 137). Такая история («Geschichte») есть предшествование самому себе, поскольку мы сами есть наше собственное прошлое и наше будущее живет изнутри прошлого. Именно в этом смысле *Geschichte der Philosophie* предполагает опору на априорный принцип – это априорность трансцендентальной субъективности, а не эмпирического субъективизма, *Historiae philosophicae* не предполагает такой опоры, оставаясь на почве рассказанных историй философий.

В последнем разделе М. Хайдеггер делает выводы, напрямую выводящие на историю философии и двойственность задачи ее. Он говорит о критике (т. е. разборе, деструкции) современности как содержащей в себе прошлое целиком, когда оно как бы прекращает свое существование, будучи закупоренным (снятым) в современности, стерилизованном нею и тогда прошлое бесплодно.

Во всяком настоящем заключается опасность застроить историю – не открыть ее, а сделать недоступной.

Так что критическая задача – в том, чтобы освободиться от подобных предсуждений и вновь задумать-ся об условиях, какие делают возможным постижение прошлого. От философского исследования неотъемлемо то, что оно есть критика настоящего. В некотором изначальном раскрытии прошлое уже не только предшествовавшее настоящее, но тут появляется возможность дать прошлому стать независимым, так чтобы становилось зримо, что прошлое и есть то самое, где мы обретаем собственные, настоящие, корни нашего существования, чтобы, полные силы, перенять их в наше собственное настоящее. Историческое сознание высвобождает прошлое для будущего, – тогда прошлое обретает силу движения вперед и становится продуктивным. (Хайдеггер, 1995, с. 138)

Как видим, именно интересы *продуктивности настоящего* требуют *постижения прошлого в его собственных характеристиках* – отрицание деления на систематическую и историческую философию также обращено на устранение дилеммы. Не так, что ориентируясь на задачи современности, создается рациональная реконструкция, искажающая прошлое, а существует еще и задача исторической реконструкции, сохраняющая адекватность прошлого – во-первых, неизбежен скепсис по поводу адекватного воспроизведения, во-вторых, возникает вопрос необходимости реконструкции прошлого. М. Хайдеггер указывает на возможность неисторического мышления – когда ставится задача прийти к существенному (самим вещам) изнутри самого себя, отбросив традицию и при этом заблудиться в традиционной постановке вопросов (нести на себе груз традиции), поэтому необходимо все новое и новое осмысление самого себя – обращение к прошлому, чтобы сбросить с себя груз неподлинной традиции, дабы прошлое благодаря этому становилось действенным в подлинном смысле. В работе «Гегель и греки» (доклад 1958 г.) сохранена эта интонация: интересы дела мысли в настоящем требуют обращения к традиции и именно это обеспечивает доступ к настоящему.

Выводы. В качестве итогового вывода можно выстроить некоторую последовательность задач при историко-философской интонированности мысли. Исходное начало – развернутая конкретность современности: множественная, разнопорядковая, различная, ставящая перед человеком задачу осмысления ее, что реализуется в такой форме мышления в философии, которую можно назвать и рациональной реконструкцией, и полемическим подходом, и реальной живой практикой философствования. Но именно потому, что, живая ткань философствования разворачивается как вопрошание – и к содержанию проблемы, и к самому себе, и к предшественникам – возникает задача исторической реконструкции, т. е. установки на диалог с аутентичным смыслом, с отличным от меня собеседником, а не созданной моей интеллектуальной фантазией марионеткой. Именно рациональная реконструкция требует имманентного подхода, попыток понять прошлое в его специфике и в чем-то даже в его отстраненности от современности. На этом этапе неизбежна установка на текстологическую работу – историческое и филологическое исследование текстов, прочтение которых всегда проблематично. В. Соловьев начинает свою статью «Жизненная драма Платона» с формулировки вопроса, возникшего у него при переводе Платоновых диалогов: каков порядок их и в каком порядке располагать их при издании? При этом он выходит на существенный для историко-философских работ момент. В. Соловьев обращается к двум вариантам понимания корпуса работ Платона: по Шлейермахеру, порядок установлен самим Платоном и диалоги есть выполнение заранее составленного плана, система философских идей (Соловьев, 1988, с. 582–583); по Мунку, единство произведений Платона предопределено задачей изображения жизни идеального мудреца Сократа (с. 583). Для В. Соловьева оба варианта несостоятельны: оба варианта могут быть реализованы при условии опоры на личность самого Платона, можно вспомнить, что в наши дни достаточно часто внимание историков философии обращено на самого философа и речь идет не об истории философии, а об истории философов, что порой транскрибируется как биографический метод. Конечно, жизнь философа играет существенную роль, но наибольший интерес представляет главное событие его жизни – событие мысли, как говорит В. Соловьев: «фи-

лософский интерес и философская работа его ума», что и представляет собой жизнь философии. Философия живет через жизнь мыслительного свершения реального человека: жизнь философа – не мирная смена дней и годов, а событийность его мысли, через вхождение в нее своей мысли и возможно оживление, восстановление прошлого. Если обратиться к философемам народных сказок, то историческое и филологическое исследование текстов восстанавливает структурное единство – есть той мертвой водой, которая соединяет части разрубленного тела. Чтобы оно ожило, необходима живая вода – включение выверенного исторической и филологической критикой текста в событийность актуальной мысли, по М. Хайдеггеру – тогда прошлое, освобожденное от одномерной формы снятия его в современности, становится продуктивным, питая живую мысль современности.

Литература

- Баумейстер, А.** (2016). Гадамер як міфотворець: міф Гайдеггера. *Філософська думка*, 1, 112–117.
- Горський, В.** (2004). До питання про ідентичність історії філософії як науки. *Наукові записки НАУКМА. Том 25: Філософія та релігієзнавство* (с. 3–7).
- Громов, Р.** (2007). Brentano и Гуссерль как историки философии. *Логос*, 6 (63), 75–97.
- Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей.* (2011). (Т. 2). Київ: ДУХ І ЛІТЕРА
- Козеллек, Р.** (2005). *Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу.* (В. Швед, Пер.). Київ: Дух і літера.
- Перов, Ю.** (1993). «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности. В Г. Гегель, *Лекции по философии истории* (с. 7–53). Санкт-Петербург: Наука.
- Перов, Ю.** (2004). История философии в современном философском знании. *Вестник МГТУ*, 7, 185–194.
- Рикер, П.** (2002). Объективность и субъективность в истории. (И.С. Вдовина, А.И. Мачульская, Пер.). *История и истина* (с. 35–57). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Секундант, С.** (2018). Вильгельм Виндельбанд: история как органон и составная часть философии. *Sententiae*, 37 (2), 62–92. doi: [10.22240/sent37.02.062](https://doi.org/10.22240/sent37.02.062).
- Соловьев, В.** (1988). Жизненная драма Платона. *Сочинения* (Т. 1–2; Т. 2), (с. 582–626). Москва: Мысль.

- Хайдеггер, М.** (1993). Гегель и греки. (В. Библихин, Пер.). *Время и бытие* (с. 381–390). Москва: Республика.
- Хайдеггер, М.** (1995). Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925). (А.В. Михайлов, Пер.). *Вопросы философии*, 1, 119–145.
- Babich, B.** (2015). The ‘New’ Heidegger. In T. Georgakis & P. Ennis (Eds.), *Heidegger in the 21st Century* (pp. 167–187). Frankfurt am Main: Springer.
- Kisiel, T., & Sheehan, T.** (Eds.). (2010). *Becoming Heidegger: On the Trail of his Early Occasional Writings, 1910–1927* (2nd ed., rev.). Seattle: NOESIS PRESS, LTD.
- Catana, L.** (2016). Doxographical or Philosophical History of Philosophy: On Michael Frede’s Precepts for Writing the History of Philosophy. *History of European Ideas*, 42 (2), 170–177. doi: [10.1080/01916599.2014.906149](https://doi.org/10.1080/01916599.2014.906149).
- Catana, L.** (2015). Intellectual History and the History of Philosophy. Their Genesis and Current Relationship. In R. Whatmore & B. Young (Eds.), *A Companion to Intellectual History* (pp. 127–140). Wiley-Blackwell. doi: [10.1002/9781118508091.ch10](https://doi.org/10.1002/9781118508091.ch10).
- Gillespie, M.A.** (2015). *Hegel, Heidegger, and the Ground of History*. The Chicago & London: University of Chicago Press.
- Hadjoannou, Ch.** (2017). What Can We Do with Heidegger in the Twenty-First Century? *Journal of the British Society for Phenomenology*, 48 (4), 350–359. doi: [10.1080/00071773.2017.1286154](https://doi.org/10.1080/00071773.2017.1286154).
- Georgakis, T., & Ennis, P.J.** (Eds.). (2015). *Heidegger in the Twenty-First Century. Vol. 80: Contributions To Phenomenology*. Dordrecht: Springer. doi: [10.1007/978-94-017-9679-8_10](https://doi.org/10.1007/978-94-017-9679-8_10).
- Rorty, P.** (1984). The historiography of philosophy: four genres. In R. Rorty, J.B. Schneewind, & Q. Skinner (Eds.), *Philosophy in History* (pp. 49–75). Cambridge: Cambridge University Press.

References

- Baumeister, A.** (2016). Gadamer yak mifotvoret: mif Haidegera [Gadamer as a myth-maker: Heidegger’s myth]. *Filosofska dumka – Philosophical thought*, 1, 112–117 [in Ukrainian].
- Horskyi, V.** (2004). Do pytannia pro identychnist istorii filosofii yak nauki [On the question of the identity of the history of philosophy as a science]. *Naukovi zapyski NAUKMA. Tom 25: Filosofiia ta relihieznavstvo – Scientific notes of NAUKMA. Vol. 25: Philosophy and Religious Studies* (pp. 3–7) [in Ukrainian].

- Gromov, R.** (2007). Brentano i Gusserl kak istoriki filosofii [Brentano and Husserl as historians of philosophy]. *Logos*, 6 (63), 75–97 [in Russian].
- Yevropeiskii slovnyk filosofii: Leksykon neperekladnoitei [European Dictionary of Philosophy: Lexicon of Implications]*. (2011). (Vol. 2). Kyiv: DUKh I LITERA [in Ukrainian].
- Kozellek, R.** (2005). *Mynule maibutnie. Pro semantyku istorychnoho chasu [Past future. To the semantics of historical times]*. (V. Shved, Trans.). Kyiv: Dukh i litera [in Ukrainian].
- Perov, Iu.** (1993). «Filosofiiia istorii» Gegelia: ot substantcii k istorichnosti [«Philosophy of History» Hegel: from substance to historicity]. In G. Gegel, *Lekticii po filosofii istorii – Lectures on the philosophy of history* (pp. 7–53). Saint Petersburg: Nauka [in Russian].
- Perov, Iu.** (2004). Istoriia filosofii v sovremennom filosofskom znanii [The history of philosophy in modern philosophical knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Herald of Moscow State Technical University*, 7, 185–194 [in Russian].
- Riker, P.** (2002). Obektivnost i subektivnost v istorii [Objectivity and subjectivity in history]. (I. Vdovina & A. Machulska, Trans.). *Istoriia i istina – History and truth* (pp. 35–57). Saint Petersburg: Aleteiia [in Russian].
- Sekundant, S.** (2018). Vilgelm Vindelband: istoriia kak organon i sostavnaiia chast filosofii [Wilhelm Windelband: The History of Philosophy as an Organon and as an Integral part of Philosophy]. *Sententiae*, 37 (2), 62–92. doi: [10.22240/sent37.02.062](https://doi.org/10.22240/sent37.02.062) [in Russian].
- Solovev, V.** (1988). Zhiznennaia drama Platona [Plato's life drama]. *Sochineniia – Writings* (Vols. 1–2; Vol. 2), (pp. 582–626). Moscow: Mysl [in Russian].
- Khaidegger, M.** (1993). Gegel i greki [Hegel and the Greeks]. (V. Bibikhin, Trans.). *Vremia i bytie – Time and being* (pp. 381–390). Moscow: Respublika [in Russian].
- Khaidegger, M.** (1995). Issledovatel'skaia rabota Vilgelma Dilteia i borba za istoricheskoe mirovozzrenie v nashi dni. Desiat dokladov, prochitannykh v Kassele (1925) [Wilhelm Dilthey's research work and the struggle for the historical worldview of our time. Ten reports read in Kassel (1925)]. (A. Mikhailov, Trans.). *Voprosy filosofii – Philosophical Questions*, 1, 119–145 [in Russian].
- Babich, B.** (2015). The 'New' Heidegger. In T. Georgakis & P. Ennis (Eds.), *Heidegger in the 21st Century* (pp. 167–187). Frankfurt am Main: Springer.

- Kisiel, T., & Sheehan, T.** (Eds.). (2010). *Becoming Heidegger: On the Trail of his Early Occasional Writings, 1910–1927* (2nd ed., rev.). Seattle: NOESIS PRESS, LTD.
- Catana, L.** (2016). Doxographical or Philosophical History of Philosophy: On Michael Frede's Precepts for Writing the History of Philosophy. *History of European Ideas*, 42 (2), 170–177. doi: [10.1080/01916599.2014.906149](https://doi.org/10.1080/01916599.2014.906149).
- Catana, L.** (2015). Intellectual History and the History of Philosophy. Their Genesis and Current Relationship. In R. Whatmore & B. Young (Eds.), *A Companion to Intellectual History* (pp. 127–140). Wiley-Blackwell. doi: [10.1002/9781118508091.ch10](https://doi.org/10.1002/9781118508091.ch10).
- Gillespie, M.A.** (2015). *Hegel, Heidegger, and the Ground of History*. The Chicago & London: University of Chicago Press.
- Hadjoannou, Ch.** (2017). What Can We Do with Heidegger in the Twenty-First Century? *Journal of the British Society for Phenomenology*, 48 (4), 350–359. doi: [10.1080/00071773.2017.1286154](https://doi.org/10.1080/00071773.2017.1286154).
- Georgakis, T., & Ennis, P.J.** (Eds.). (2015). *Heidegger in the Twenty-First Century. Vol. 80: Contributions To Phenomenology*. Dordrecht: Springer. doi: [10.1007/978-94-017-9679-8_10](https://doi.org/10.1007/978-94-017-9679-8_10).
- Rorty, P.** (1984). The historiography of philosophy: four genres. In R. Rorty, J.B. Schneewind, & Q. Skinner (Eds.), *Philosophy in History* (pp. 49–75). Cambridge: Cambridge University Press.

Стаття надійшла 30 березня 2019 р.